

На протяжении почти четырех десятилетий каждая новая пьеса Виктора Розова вызывала бурный отклик зрителей и критиков. Фильм «Летят журавли» по его пьесе «Вечно живые» с триумфом прошел в середине пятидесятых по экранам мира, а самой этой пьесой открывался «Современник». Драматурга Розова много ставили в Европе, Америке, Японии. Его герои помогают нам понять себя и время, в которое суждено жить. Ему скоро 80. Пишет пьесу для юношества. Не назидания ради, а в поисках Радости, Истины и Добра, чего так не хватает сегодня молодым и старым. Виктор Сергеевич охотно согласился на встречу, ему было важно не только высказаться, но и побудить читателя к раздумью.

О культе наживы

Кентавр - мифическое существо, получеловек, полуживотное, все чаще приходит на память, когда вижу, слышу, читаю, что творится сегодня с нашим обществом, на что ориентируют людей пресса, телепередачи, ораторы с высоких трибун. «Обогащайтесь!» - вот призыв, лозунг, к которому в конечном итоге сводится пропаганда, да и вся идея переустройства. Меня ничтожество этой цели ввергает в отчаяние. А ответная реакция так называемых масс не заставляет себя ждать: бунтует, фонтанирует все, что в кентавре от животного. Животное начало подавляет человеческое. И это понятно: раздражает низменные инстинкты легче, чем обращаться к разуму.

Я говорю: «так называемых масс», потому что интеллигенция в этой дикости не участвует. Она беззащитна, ее топчут, но она верна своим идеалам. К интеллигентам я отношу не интеллектуалов, не образованных, а людей духовных, благородных. Им тяжело. Образование здесь ни при чем. Образованный жулик даже хуже необразованного.

Нынешний культ наживы, чистогана я воспринимаю как трагедию - психологическую, умственную, человеческую. В моей родной Костроме, читаю в газете, подросток 14 лет спрятав 8-летнего мальчугана и потребовал выкуп в 300 тысяч от его родителей. Ему передали деньги, но... он уже гантелью убил ребенка... Разве это не следствие установки на выживание предприимчивых и богатых? «Обогащайтесь любыми средствами и путями! Все можно!» И вот имеем ужасающую преступность. Волюющий беспредел. В той же Костроме в годы моего детства и юности можно было спокойно ходить ночью через весь город. Я и ходил - работал на текстильной фабрике. Никого не боялся. Разве что собак. Сейчас я боюсь людей.

До 36 лет я жил очень бедно. Голодал, спал на вокзалах, будучи студентом театральной школы. Но был счастлив. Жил насыщено, увлеченно учился, играл в театре в массовках. Помню, на месяц приютил меня сам Алексей Дмитриевич Попов - великий режиссер, большой человек. И я, костромской мальчишка, жил в его семье... У людей была доброта, сочувствие. Я видел в жизни много хороших, душевных людей. Вот лежу раненый в подвале церкви во Владимире. Везли меня туда с фронта шесть суток, кровь почти вся вытекла, началась гангрена. Сказали, что ногу ампутируют. Просыпаюсь ночью после наркоза, а нога цела, только толстая, в гипсе. Спрашиваю: «Что так?» - «Мы решили побороться за вашу ногу». Это-то тогда, в первые месяцы войны, когда нас, раненых, было десятки тысяч, доктор посочувствовал безвестному солдату: «решил побороться»...

Среди одержимых разбогатеть, успеть «урвать», не опоздать разграбить трудно рассчитывать на помощь слабому, больному. Пропаганда же насилия, звериных инстинктов в нынешний тяжелейший переходный период уничтожает всякую культуру и безопасность бытования.

О приобщении

к цивилизованному миру»

Ориентация на массовую буржуазную культуру Запада, на американский образ жизни - это подмена ценностей духа ценностями тела. Россиянам - гражданам огромной страны, носителям великой культуры навязывают образ жизни американцев. Не культуру, подчеркну, а нравы, поскольку американской национальной культуры не существует. Американцы - не нация. Америка - уникальная страна, которую населяют англичане, португальцы, вьетнамцы, русские... Я прекрасно отношусь к американскому народу, восхищаюсь американскими городами, но не нам, россиянам, уподобляться Иванам, родства не помнящим. Нельзя позволять вытеснять собственную культуру в угоду сомнительным плотским интересам. Да, мы сейчас экономически слабая

Виктор РОЗОВ:

Еще будут побеги

страна, но нельзя становиться нищими духом.

Я - космополит. Мои пьесы ставились во всех республиках бывшего Союза. Я везде встречал близких мне по духу людей, восхищался всему тому замечательному, что несет в себе любая национальная культура. Помню, какое потрясение я испытал, попав впервые в Самарканд, увидев, прочувствовав великую мусульманскую культуру - исторические, архитектурные памятники, мечети, минареты. Обидно и больно, что и там сейчас экспансия американизма, культ доллара, заморских шмоток, англоязычных этикеток. Такое же унижительное состояние переживают сейчас и другие национальные культуры СНГ. Распад духовный, по моему, более страшен, чем даже свершившийся распад государства. Мне, писателю, хочется предостеречь от этого.

О противостоянии разрушению

Опорой и в недавнем прошлом, и сейчас были и остаются наши предтечи - великие русские писатели, мыслители. Тем более что имеем теперь возможность читать и Соловьева, и Бердяева, и Розанова. С нами Пушкин, Толстой, Достоевский. Как ни сложен для творчества был советский период, но и через броню идеологических догм культура девятнадцатого века дала немало замечательных побегов в музыку, живопись, балете, литературе. Русские авангардисты-художники после революции ошеломили весь мир. Прокофьев, Уланова, Шолохов стали гордостью человечества. Духовная жизнь даже в стесненных условиях сталинизма и застоя не прерывалась. Она и вызвала в конце концов общественный протест, низвержение тоталитаризма, партократии.

Я принял перестройку как решительное искоренение всех недостатков социалистической системы. Я связывал ее с освобождением людей от страха за сказанное слово, за выражение на бумаге своих мыслей. Я не был членом партии, не был никогда даже комсомольцем. Но мне нравилась и нравится идея социализма. Очень сожалею, что от нее отвернулись многие интеллигенты, ссылаясь на неудачный (а для народа трагический) опыт построения у нас коммунизма. Не идеи тому виной. Даже то, что имело наше общество - бесплатность образования и медицинского обслуживания, практически бесплатное жилье и транспорт, - огромные завоевания людей. Я не верил и не верю в коммунизм. Это утопия, красивая мечта, подобная Царствию небесному. Но «тмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман», - говорил Пушкин. Не без обмана, конечно, а без возвышающих мыслей и чувств жить нельзя, особенно, если реальность не удовлетворяет, унижает человека. Где как ни в искусстве, литературе искать и

находить эту возвышающую, укрепляющую душу поддержку.

Общение с гением уже само по себе праздник. Когда я в первый раз отроком читал роман «Братья Карамазовы», то время от времени вскакивал и начинал от восторга скакать по комнате. От чего был восторг? Не от сюжета, хотя он и захватывал. А от соприкосновения с Достоевским, от того, что я его, гения, понимал. Он открывал мне меня и как бы подтверждал, что я - настоящий. Много лет спустя попросили для Театра на Малой Бронной написать пьесу по этому роману. Я с радостью согласился. Спектакль «Брат Алеша» имел успех, шел долго, потому что нес важную, нужную людям мысль о необходимости нравственного очищения, возвращения человека к духовным ценностям. Сейчас «Братья Карамазовы» вновь на моем столе. Для Центрального молодежного театра (бывший детский) пишу пьесу «Четвертый брат» - о Смердякове. Он ведь брат Алеше, Ивану, Дмитрию - не единоутробный, но брат. Однако он и слуга, лакей их и отца своего - Федора Карамазова. Жестоко. Эта несправедливость, безнравственность является причиной трагедии: Смердяков убивает отца, сводит с ума Ивана, отправляет на каторгу Дмитрия. Такова моя концепция. Конечно, смердяковщина остается смердяковщиной. Но я развиваю тему, очень остро звучащую сегодня: как могут люди братьев своих держать на положении рабов и обращаться с ними как с последней тварью?

О церкви, религии и политике

Религию нередко использовали в политических целях. Сталин приказал открыть храмы, обратился к церкви, к верующим в начале войны. Так происходит и сегодня. Вот, мол, возвращаем народу православную Церковь. У многих такой поворот находит отклик, потому что безбожники всегда ищут угол, где приютиться. К самой церкви я отношусь, прямо скажу, не очень смиренно. Мне лично ее в качестве посредника в отношениях с Богом не нужно. Я с Богом один на один общаюсь. Это сугубо личное дело каждого. Отношение к Богу, церкви - тот самый «проклятый вопрос», которым всегда мучился русский человек. Герои классиков тоже терзаемы этим вопросом. Мне близка мысль Толстого: «Наша жизнь только отрезок в бесконечности». Я сам в 16 лет однажды прозрительно пришел к этому. Лежал на кровати, ленился, как все мы иногда любим это делать, и вдруг подумал: «Я живу сейчас, солнышко, и так хорошо вокруг. Но вся моя жизнь - миг, а я был до и буду после...» Потом уже прочел о том же у Льва Толстого и еще более укрепился в этой вере. Я очень хорошо понимаю есенинские строки: «Стыдно мне, что я в Бога верил. Горько мне, что не верю теперь». Мы, конечно, безбожники. Такими нас сделали политики. Теперь они направляют всех в обратную сторону. Как всегда, все у нас рыкаями, прыжками. То пятилетку выполним в три года, то в коммунизм (по Хрущеву) в 1930-м войдем без полов, а теперь вот из недоразвитого социализма задались целью прыгнуть аж в развитый капитализм. Надеемся, что церковь в этом поможет.

Я никогда не понимал высокой политики. Да, признаться, думаю, что человеку, увлеченному, занятому своим делом, и незачем, некогда его интересоваться. То, что сейчас называют «усталостью» от политики, «охлаждением» интереса к лидерам, по-моему, - возвращение людей к нормальному состоянию: к желанию заниматься делом, семьей, отдыхать... А результат движения в «верхах» всегда почувствуем своей шкурой.

Об искусстве, театре

Прежде мне часто приходилось слышать упреки: а где же в вашей пьесе положительный герой? Партийным функционерам не приходило в голову, что искусство светит идеей, художественно воплощенной в самой его ткани, а вовсе не положительными примерами. Посмотрел спектакль «Наполеон Первый» Яковлевой и Филипповым. Великолепно играют. Высокая духовность, заложенная в постановку Эфросом, сохранена и благодарно воспринимается зрителем. Видел и новую работу Эфремова во МХАТе - «Горе от ума». Зубры-критики недовольны этим спектаклем. А мне понравилось: свежо, весело. И герои - молодые, веселые, хмят старшим. Как у Грибоедова.

За всем не поспеть, но то, что удастся посмотреть, дает надежду на поворот к лучшему, хотя в театрах еще много гнили. Гниль, как известно, вредна тем, что там микробы. Они заразительны и живучи. Искусство же - это непременно солнце, микробы убивающее. Искусство возвышает человека, а не угнетает, оно бессмертно. И потому я верю, что Человек выстоит.